

Ульрици Герман

**Нравственная природа
человека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Г38

Г38 **Герман У.**
Нравственная природа человека / Ульрици Герман – М.: Книга по Требованию,
2022. – 230 с.

ISBN 978-5-519-78238-8

ISBN 978-5-519-78238-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Логическія, познавательнo-теоретическія и естествонo-научныя основы практической философіи. Сила воли и свобода воли. Они предполагаютъ собою нравственныя элементы нашего существа и служатъ признакомъ этихъ элементовъ. Опроверженіе матеріализма.

Иеика (въ болѣе обширномъ смыслѣ) есть обоснованное на научныхъ данныхъ ученіе о нравственной природѣ человѣка. Нравственная природа человѣка обнаруживается съ различныхъ сторонъ и въ различныхъ формахъ; поэтому въ составъ иеики входятъ очень многія части ея. Сюда относятся естественное право или философія права, иеика въ тѣсномъ смыслѣ или нравственная философія и эстетика или философія искусства. Всѣ эти части, взятыя вмѣстѣ, составляютъ такъ называемую практическую философію.

Извѣстно, что сомнѣніе и неизбѣжный его спутникъ—критика постоянно сопровождаютъ всякое научное изслѣдованіе. Неудивительно поэтому, что есть люди, для которыхъ нравственная природа человѣка, ея сущность и самое бытіе составляютъ предметъ сомнѣнія и спора. Отсюда первая задача иеики состоитъ въ томъ, чтобы доказать права ея на существованіе.

Для этой цѣли иеика, какъ всякая философская наука и всякое научное изслѣдованіе, должна имѣть

своимъ основаніемъ не только результаты логики и теоріи познанія, но обязана взять во вниманіе и выводы естествознанія, именно физики и физиологіи и особенно психологіи. Человѣкъ не есть только нравственное существо. Онъ есть — и притомъ въ значительной мѣрѣ — членъ того великаго цѣлаго, которое мы называемъ естествомъ или природой. Онъ живетъ въ условіяхъ природы и зависитъ отъ нея. Что же касается до его нравственной жизни, то она представляетъ собою не что иное, какъ извѣстную сторону, извѣстное проявленіе его духовнаго существа, или, что тоже, его психическихъ отправленій. Въ ней между прочимъ обнаруживаются тѣ силы, которыя физиологія и психологія называютъ силами душевными.

Июбка по преимуществу основывается на слѣдующихъ положеніяхъ логики и теоріи познанія:

Существуетъ, какъ извѣстно, два основныхъ логическихъ закона: 1) законъ тождества и противорѣчія (вмѣстѣ съ такъ называемымъ закономъ исключеннаго третьяго) и 2) законъ причинности. Это суть законы *различающей* силы и дѣятельности нашей души. Они всецѣло принадлежатъ нашей душѣ и неразрывно связаны съ ея дѣятельностію подобно тому, какъ законъ тяготѣнія тѣсно связанъ съ силою тяжести и опредѣляетъ ея дѣйствія. Законы эти можно назвать общими логическими законами, такъ какъ они имѣютъ безусловное значеніе для всякаго нашего мышленія, для всякаго сознательнаго представленія. *Никакой* мыслительный процессъ, *никакая* мысль не можетъ противорѣчить имъ (исключая развѣ того случая, когда мы высказываемъ какую нибудь бессмысленную рѣчь). Ихъ можно назвать законами безусловно всеобщими и притомъ такими, которые никогда не нарушаются при правильномъ мышленіи. *Всѣмъ* содержаніе нашего сознанія, *всѣ* наши (сознательныя) представленія возможны только потому, что душѣ нашей присуща *различающая дѣятельность*. Въ самомъ дѣлѣ, почему мы приобретаемъ представленіе о чемъ либо? Очевидно

потому, что мы различаемъ этотъ предметъ отъ какого либо другого предмета (объекта) и отъ насъ (отъ субъекта). На этомъ основаніи мы и должны понимать этотъ предметъ, какъ именно этотъ, а не другой (А — А и не = не А). Итакъ, все, что мы различаемъ, предполагаетъ различающую дѣятельность. Съ другой стороны все то, что мы различаемъ, нельзя представлять себѣ чѣмъ-то вѣчнымъ, безначальнымъ, чѣмъ-то такимъ, что ни откуда не произошло. Такой образъ мышленія заключать бы въ себѣ *contradictio in adjecto*, т. е. противорѣчилъ бы закону тождества и противорѣчія. Поэтому мы должны предположить извѣстную причину (силу, дѣятельность) по отношенію ко всему, что мы различаемъ, будетъ ли то отдѣльный предметъ или явленіе, или цѣлая совокупность ихъ, касается ли дѣло чего нибудь постоянно существующаго или временно только появляющагося.

Но дѣятельность нашей души, проявляющаяся въ различеніи, можетъ осуществляться только въ такомъ случаѣ, когда предметы удоборазличаемые мы не только ставимъ вообще въ отношеніе другъ къ другу, но когда дѣлаемъ различіе между ними въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Нельзя различать цвѣтъ или тяжесть (этой) бумаги отъ величины или формы (того) стола. Мы можемъ различать только величину отъ величины, качество отъ качества, форму отъ формы, т. е. можемъ различать предметы только въ количественномъ, качественномъ, формальномъ и другихъ отношеніяхъ. Эти точки зрѣнія суть *нормы*, всегда присущія различающей дѣятельности нашей души. Постоянно и вездѣ, сознательно и (сначала) безсознательно мы примѣняемъ ихъ при образованіи нашихъ представленій. Это — тѣ общія логическія понятія, которыя со временъ Аристотеля извѣстны были подъ именемъ *категорій*. Только при помощи ихъ наши воспріятія, воззрѣнія, представленія получаютъ извѣстную ясность и опредѣленность и могутъ сдѣлаться матеріаломъ для нашего мышленія.

Мы совершенно не можем мыслить о томъ, что для насъ не ясно и не опредѣленно, чего мы вовсе не различаемъ. Такимъ образомъ, ясность и опредѣленность есть не что иное, какъ сдѣланное нами различіе однихъ предметовъ и явленій отъ другихъ. Мы можемъ различать предметы, какъ они существуютъ въ природѣ: это будетъ *реальное, объективное* различіе между ними. Но можемъ дѣлать различіе въ области нашихъ представленій: это будетъ различіе субъективное, идеальное. Одно можетъ совпадать съ другимъ, такъ какъ законы и нормы различія одни и тѣже. На этомъ и основывается возможность познанія предметовъ.

На основаніи всего этого достовѣрнымъ и очевиднымъ мы называемъ только то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ этихъ логическихъ законовъ и о чемъ, согласно съ ними, мы думаемъ, что оно существуетъ и существуетъ притомъ такъ, а не иначе. Всякая достовѣрность и очевидность основывается на *логической необходимости*, а необходимость эта лежитъ въ самой природѣ нашей мысли и обнаруживается прежде всего въ логическихъ законахъ и нормахъ нашей мыслительной дѣятельности. О чемъ мы мыслимъ, что воспринимаетъ и предполагаемъ согласно съ этими законами, въ томъ мы не сомнѣваемся. И понятно, почему. Всякое сомнѣніе предполагаетъ возможность думать о чемъ нибудь и такъ, и иначе. Гдѣ нѣтъ этой возможности, гдѣ о предметѣ *можно* мыслить *только такъ*, а не иначе, тамъ сомнѣніе невозможно. Поэтому самая достовѣрность и очевидность есть не что иное, какъ только сознаніе логической необходимости. Сознаніе это можетъ быть или непосредственное, или посредственное. Въ первой формѣ это есть не совѣмъ еще сознательное чувство логической необходимости, а вторую форму его представляетъ собою сознательная способность человѣка судить объ извѣстной вещи и понимать ее такъ, а не иначе.

Но кромѣ этой логической необходимости есть еще другая. Она также основывается на природѣ нашей мысли. Известно, что наша мыслительная сила въ своей дѣятельности *обуславливается* природою. Она не можетъ обнаруживаться въ творческой самодѣятельности. Ея мысли (воспріятія, воззрѣнія, представленія) могутъ возникать только при содѣйствіи другихъ, независимыхъ отъ нея силъ. Отсюда другая логическая необходимость состоитъ въ томъ, что наши ощущенія и чувствованія, особенно наши чувственные ощущенія, наши воспріятія (внѣшняго и внутренняго чувства) имѣютъ для насъ нѣчто какъ бы принудительное. Они, такъ сказать, навязываются намъ. На этой второй логической необходимости основывается всякая такъ называемая фактичность, всякій опытъ и всякое опытное познаніе. Въ самомъ дѣлѣ, фактомъ мы называемъ то, что мы воспринимаемъ или представляемъ съ необходимостію. Въ этомъ смыслѣ для насъ фактъ, что снѣгъ-бѣлъ, металлъ плавится, Фридрихъ великій умеръ въ 1786 г. и т. д. Причина этой вынужденности, которую мы при этомъ испытываемъ, очевидно, не можетъ заключаться въ насъ самихъ, а потому мы, вслѣдствіе логическаго закона причинности, невольно предполагаемъ ее внѣ насъ, невольно заключаемъ, что внѣ насъ существуютъ предметы (или правдѣнѣе—дѣйствующія силы) и что вообще есть реальное объективное бытіе. Само собою понятно, что мы на этомъ только основаніи не можемъ сказать ничего положительнаго о томъ, таково ли на самомъ дѣлѣ это реальное бытіе, какъ оно является намъ въ воспріятіи. Наши воспріятія, какъ известно, основываются не на этомъ только необходимомъ дѣйствіи на насъ внѣшнихъ предметовъ. Они обуславливаются кромѣ того свойствомъ нашихъ чувствительныхъ нервовъ, природою нашей способности ощущающей и воспринимающей впечатлѣнія. Поэтому съ научной точки зрѣнія фактомъ можно считать только то, о чемъ мы, на основаніи общихъ логическихъ законовъ, должны

думать, что лежащее въ основѣ его реальное бытіе совпадаетъ съ нашимъ воспріятіемъ, воззрѣніемъ, представленіемъ о немъ. Такихъ фактовъ можно указать много. На нихъ съ помощію (искусственно изошреннаго и разширеннаго) наблюденія, эксперимента и умозаключенія (индукціи и дедукціи) основывается и построяется не только все наше такъ называемое эмпирическое познаніе, но и всякая наша наука о природѣ вещей и нашего собственнаго существа. Такимъ образомъ, всякое наше познаніе и всякая наука имѣютъ своимъ основаніемъ упомянутую выше двоякую логическую необходимость — внутреннюю и внѣшнюю, апріорную и апостеріорную. Оба эти фактора дѣйствуютъ постоянно вмѣстѣ и тѣсно связаны между собою. Безъ содѣйствія ихъ познаніе рѣшительно невозможно. Показать это примѣнительно къ отдѣльному случаю, т. е. довести упомянутую выше (двоякую) логическую необходимость до нашего сознанія и такимъ образомъ сдѣлать достовѣрнымъ и очевиднымъ что нибудь для насъ не достовѣрное и не очевидное — это и значитъ доказать что нибудь. Только то и можетъ имѣть право на научное значеніе, что доказано въ этомъ смыслѣ, т. е. что опирается на факты и на логическіе законы и нормы, на логически необходимыя сужденія, умозаключенія и выводы.

Въ частности, и всякое познаніе о нашей собственной внутренней жизни, о нашихъ душевныхъ состояніяхъ, возбужденіяхъ, движеніяхъ, о нашихъ дѣятельныхъ и страдательныхъ состояніяхъ, короче сказать всякое психологическое познаніе должно основываться также на фактахъ. Факты эти мы обыкновенно называемъ „фактами сознанія“ въ отличіе отъ тѣхъ фактовъ, которые основываются на чувственномъ воспріятіи и касаются свойствъ внѣшнихъ предметовъ и нашего собственнаго тѣла. Последніе факты впрочемъ въ существѣ дѣла тоже суть факты сознанія. Мы, какъ извѣстно, воспринимаемъ вещи не непосредственно, а узнаемъ о ихъ бытіи и свойствахъ только по-

средствомъ возникающихъ въ насъ, при ихъ содѣйствіи, чувственныхъ ощущеній и воспріятій, на сколько эти послѣднія достигаютъ нашего сознанія. Поэтому они различаются отъ психологическихъ фактовъ только тѣмъ, что причина и основаніе послѣднихъ заключаются не внѣ, но большею частію внутри насъ, во внутреннемъ напемъ состояніи, — въ возбужденіяхъ, движеніяхъ и дѣйствіяхъ самой души. Къ фактамъ сознанія, основывающимся на чувственныхъ воспріятіяхъ, относятся прежде всего возникающія въ насъ помимо нашей воли чувствованія и воспріятія этихъ чувствованій. Только посредствомъ ихъ — на сколько они достигаютъ нашего сознанія, — мы и узнаемъ о нашихъ душевныхъ движеніяхъ. Они возникаютъ въ насъ произвольно, такъ сказать, навязываются намъ и поставляютъ насъ въ необходимость сознать ихъ. Но очевидно они не достигли бы нашего сознанія, если бы мы *не различали* ихъ другъ отъ друга и отъ нашего (чувствующаго, воспринимающаго) я. Только подъ этимъ условіемъ они получаютъ свою опредѣленность для нашего сознанія, дѣлаются удобопредставляемыми и становятся содержаніемъ нашего сознанія. Съ другой стороны самая эта сознаваемость, *всякое* вообще сознаніе и самосознаніе основываются на силѣ и дѣятельности различенія. Эта сила въ человѣческой душѣ достигаетъ особенной высоты. Благодаря этой силѣ, душа можетъ не только вообще дѣлать различеніе, но и различать себя въ себѣ самой. Она различаетъ свои собственныя состоянія, возбужденія, свои ощущенія и чувствованія, воспріятія и представленія, потребности и стремленія не только другъ отъ друга, но и отъ себя самой. На этомъ основаніи силу эту можно назвать основною и первоначальною силою души. Самый духъ есть не что иное, какъ та же душа, но только достигшая сознанія и самосознанія.

Это саморазличеніе вмѣстѣ съ его результатомъ — сознаніемъ и самосознаніемъ есть дѣятельность совершенно особаго рода. Никакая сила природы, и даже

совокупность этихъ силъ (механическихъ, физическихъ, химическихъ) не производитъ и не можетъ произвести ея. Въ ней проявляетъ себя сила, отличная отъ силъ природы, сила не физическая, но психическая (духовная). Поэтому на душу, носительницу этой особенной, ей только свойственной силы, надобно смотрѣть, какъ на существо особенное, самостоятельное, отличное отъ другихъ силъ и существъ природы. Основою всего существующаго считаютъ обыкновенно матерію. Матерія—это не есть какая нибудь сплошная масса. Она состоитъ, какъ показываетъ естествознаніе, изъ неизмѣримаго количества такъ называемыхъ атомовъ. Атомы эти, вслѣдствіе присущихъ имъ силъ, соединяются вмѣстѣ и образуютъ такимъ образомъ болѣе крупныя и болѣе массивныя частички вещества. Сочетаваясь и группируясь различнымъ образомъ, частички эти и образуютъ разнообразныя матеріальныя вещи. Такимъ образомъ, атомы составляютъ сущность матеріи и матеріальныхъ вещей. Это—субстанціи, лежащія въ основѣ всего существующаго въ природѣ. Но что такое сами эти атомы? Объ нихъ нельзя сказать, что они состоятъ изъ матеріи и силы, взятыхъ вмѣстѣ. Скорѣе всего ихъ можно назвать центрами силъ или центральными пунктами, гдѣ нераздѣльно соединены сила сопротивленія и общія (физическія и химическія) силы природы. Отсюда можно сдѣлать такое умозаключеніе: если душѣ нашей свойственна упомянутая выше духовная основная сила саморазличенія, то она, очевидно, *не можетъ* быть тождественною съ атомами и составленными изъ этихъ послѣднихъ (матеріальными) вещами, которыя не имѣютъ этой силы. Она не можетъ быть тождественною и съ нашимъ тѣломъ, въ тѣломъ ли видѣ его взять или брать въ какой нибудь отдѣльной части, въ какомъ нибудь отдѣльномъ атомѣ. Наше тѣло состоитъ, какъ извѣстно, изъ тѣхъ же самыхъ атомовъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ такъ называемыя матеріальныя вещи, т. е. изъ атомовъ, неимѣющихъ въ себѣ психической силы. Душа наша есть

субстанція. Она не есть что нибудь составленное атомистически и состоящее изъ особаго рода атомовъ. Думать такъ о душѣ нельзя потому, что при такомъ взглядѣ нельзя никакъ объяснить факта единства нашего сознанія. Душа—субстанція единичная. Это есть, можно сказать, неразложимое, имѣющее свой центръ единство силъ. Правда, дѣятельность этихъ силъ совершается постоянно при содѣйствіи силъ тѣлесныхъ и особенно нервной системы, но тѣмъ не менѣе разнообразныя отправленія ихъ исходятъ изъ самостоятельнаго, независимаго отъ тѣла (могущаго разлучаться съ тѣломъ) центра. Къ такому взгляду на душу неизбѣжно приводятъ фізіологическіе факты, именно факты неврологіи и фізіологіи чувствъ, и наоборотъ, взглядъ этотъ въ свою очередь самъ служитъ къ объясненію фізіологическихъ фактовъ. Къ этому же взгляду приводятъ неминуемо, какъ показано будетъ ниже, и нравственные факты сознанія. Только при такомъ взглядѣ можно понять и уяснить себѣ эти факты. Поэтому мы имѣемъ полное право эти положенія и воззрѣнія принять за основныя положенія при изслѣдованіи нравственной природы человѣка. #

Мы сказали, что сознаніе вообще основывается на различающей дѣятельности нашей души. Тоже можно сказать и о нравственномъ сознаніи, касающемся ииической стороны нашего существа. Оно точно также основывается на различеніи ииическихъ элементовъ нашего существа отъ тѣхъ элементовъ, которые не носятъ на себѣ характера ииическаго. Этотъ характеръ или лучше сказать критерій и общій признакъ ииическихъ элементовъ состоитъ въ томъ, что они относятся къ области особой силы и дѣятельности. Эту силу мы называемъ силою *воли*. Кроме того, они предполагаютъ собою *свободу* воли и сознаніе этой свободы. Только тѣ элементы человеческого существа и жизни, которые необходимымъ условіемъ своего бытія и своихъ качествъ имѣютъ силу воли и сознаніе свободы воли, составляютъ *нравственную* природу че-

ловѣка и называются элементами ииическими. Кто отвергаетъ свободу воли, тотъ отвергаетъ тѣмъ самымъ всякую ииикую. Съ этимъ вмѣстѣ уничтожается различіе между правомъ и несправедливостію, истинною и ложью, между добромъ и зломъ.

✕ Все это — истины, повидимому, неоспоримыя, и однакожь онѣ не признаются всѣми. Новѣйшій матеріализмъ, по ученію котораго душа есть только функція мозга, отвергаетъ не только свободу воли, но и самую волю. Надобно впрочемъ замѣтить, что у современныхъ матеріалистовъ не достаетъ смѣлости пролести это отрицаніе послѣдовательно. Они не говорятъ, какъ это дѣлали ихъ предшественники во Франціи (Гельвецій, Ля-Метри, Гольбахъ и др.), что у человѣка только и есть такъ называемыя естественныя потребности и интересы, что онъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно самолюбіемъ и произволомъ. Они не утверждаютъ, что нравственность и добродѣтель есть иллюзія, не устраняютъ различія между справедливостію и несправедливостію, добромъ и зломъ, добродѣтелію и порокомъ. Напротивъ, современные матеріалисты учатъ, что ихъ міровоззрѣніе, какъ нельзя болѣе, гармонируется съ этимъ различіемъ. Только они различіе это понимаютъ по своему. По ихъ мнѣнію, у человѣка нѣтъ ни воли, ни актовъ воли, которые онъ можетъ совершать и не совершать, нѣтъ поэтому и никакого различія между этими актами. Различіе есть только между здоровымъ и болѣзненнымъ состояніемъ мозга или между нормальными и не нормальными отправлениями его. То, что мы называемъ волею, есть будто бы только „необходимое проявленіе извѣстнаго состоянія мозга, обусловливаемое внѣшними воздѣйствіями“. (Молешоттъ). Состояніе это можетъ быть здоровымъ, нормальнымъ или, наоборотъ — болѣзненнымъ, ненормальнымъ. Отсюда прямой выводъ, что нѣтъ никакой воли, никакихъ формъ ея обнаруженія. По ученію матеріализма, всѣ такъ называемыя психическія явленія и отправления суть только необходимыя